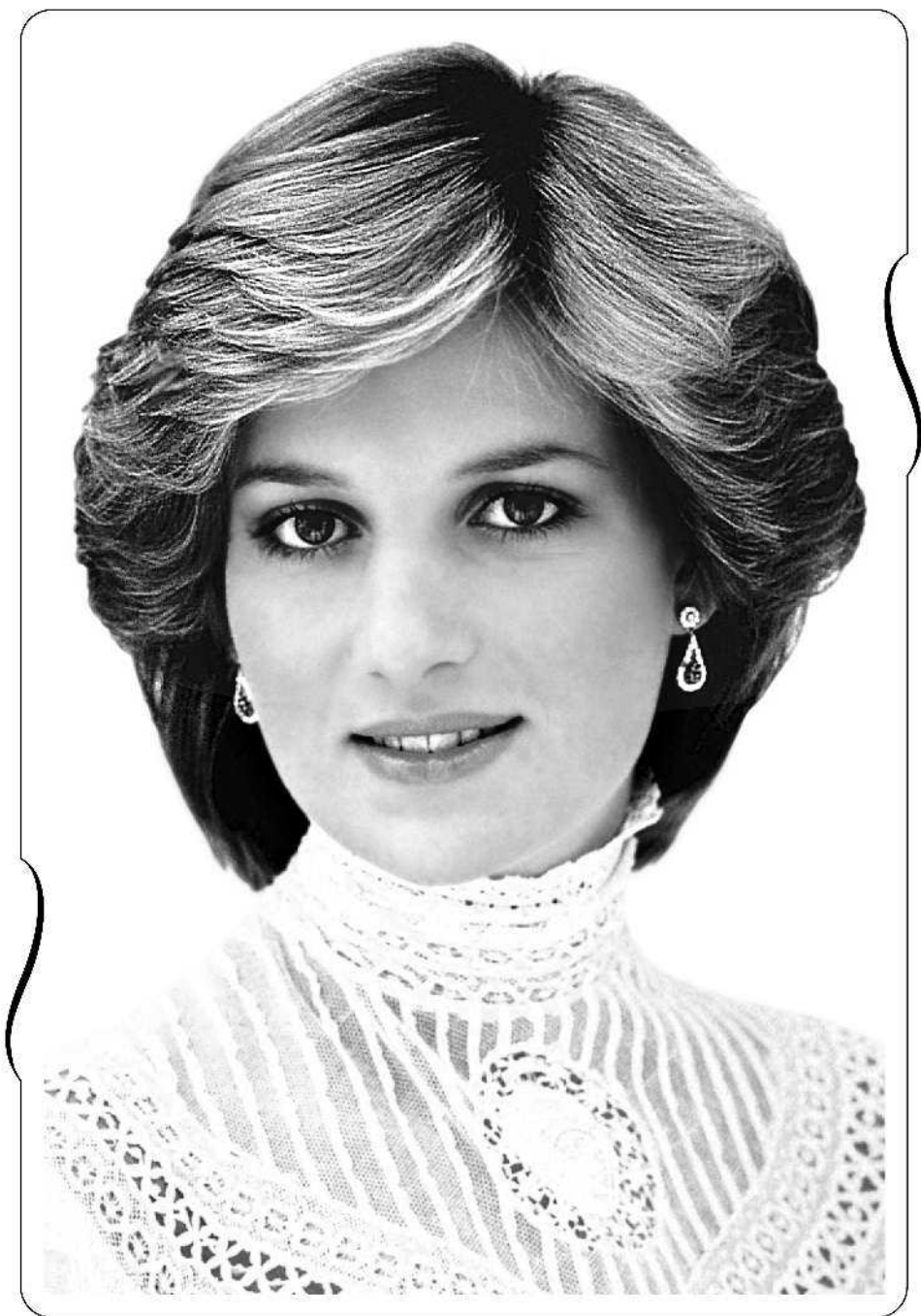

УНИКАЛЬНАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ
женщины-эпохи

Принцесса Диана

Жизнь,
рассказанная
ею самой

ЯУЗА-ПРЕСС

МОСКВА

2017

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
П76

Оформление серии *С. Курбатова*

Фотография на обложке: Uppa / Globe Photos / ZUMAPRESS.com / Legion-Media

П76 **Принцесса Диана. Жизнь, рассказанная ею самой / Москва: Яуза-пресс, 2017. – 256 с. – (Уникальная автобиография женщины-эпохи).**

ISBN 978-5-9955-0403-0

Ее обожал весь мир – и ненавидела собственная родня. По ней сходили с ума миллионы мужчин – а муж променял ее на старую любовницу, не блестящую красотой. За ее венчанием наблюдали более миллиарда телезрителей, ее «райской жизни» завидовали все женщины мира – но она в отчаянии спрашивала принца Чарльза: «За что ты вверх меня в ад?» Ее судьба казалась сказкой о Золушке – только без хеппи-энда...

Принцесса Диана начала писать эту книгу незадолго до смерти, уже предчувствуя скорую гибель, а последнюю точку поставила накануне трагедии. Это не автобиография, не дневник, не мемуары, даже не исповедь – это крик души самой желанной женщины в мире, у которой было все, кроме любви и женского счастья. Ведь обожание толпы и поклонение миллионов – еще не любовь...

Успела ли она узнать это чувство после разрыва с принцем Чарльзом? Был ли ее последний мужчина достоин руки принцессы Дианы? О чем она сожалела больше всего, чего опасалась после развода, кому верила, кого подозревала, о чем думала в последние дни? Почему так отчаянно спешила жить – как будто не просто предчувствовала трагический финал, а знала наверняка?..

Казалось, нам уже не получить ответа на эти вопросы; казалось, леди Ди унесла свои тайны в могилу, – если бы не эта сенсационная книга, опубликованная уже после ее гибели и проливающая свет на самые запретные страницы ее биографии.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-9955-0403-0

© Павлицева Н., перевод, 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2017

НЕНУЖНАЯ...

Я мешала всем и всегда, я была ненужной...

Только два человека в этом мире действительно любили и любят меня — Уильям и Гарри. И я люблю только их двоих.

Восторг и приветствия огромных толп, которые собираются посмотреть на меня, — это не любовь, вернее, любовь, но не ко мне самой. Люди любят созданный образ принцессы, которая была Золушкой, и не хотят замечать, что бывшая Золушка несчастна.

Из всего сонма окружающих меня родственников и знакомых меня любят только мои мальчики, причем именно меня, со всеми моими недостатками и достоинствами, просто за то, что я их мама. И я люблю их потому, что они мои сыновья, а не потому, что принцы.

Очень надеюсь, что у них будут жены, которые будут любить просто их, Уильяма и Гарри, а не принцев—наследников короны.

Принцесса Диана

Я часто предчувствовала беду до того, как случилось что-то дурное, могла напроорочить чью-то болезнь или даже гибель. Иногда этого побаивались.

Теперь я не чувствую, я ЗНАЮ. Бывает такое, когда нет никаких предпосылок, все почти спокойно, а ты точно знаешь, что сейчас, вот в следующую минуту, произойдет что-то страшное...

Так я знаю, что совсем скоро гибель. У моей машины откажут тормоза, и я получу смертельную травму. Если и выживу, то больше не смогу быть действительно живой, потому что существование под аппаратами на медицинской кровати не для меня.

Чарльз часто спрашивал меня, чего мне не хватает? Действительно, чего мне не хватает для счастья? Постепенно размышления вылились в попытки осмыслить, как можно быть несчастной, имея все — двоих прекрасных сыновей, семью, причем королевскую, всеобщее восхищение, здоровье и весьма привлекательную внешность.

ТРАГЕДИЯ ДЕТСТВА

Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Элизабет еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве.

Все Спенсеры своенравны, а все Фермой строптивы и властны. О моей маме Фрэнсис говорят, что, когда пристально смотрит своими синими глазами, кажется, будто она больше королева, чем сама королева. Да, из мамочки вышла бы куда лучшая супруга принца, чем я. Будь она на моем месте, Камилла отправилась бы куда-нибудь в Австралию или вообще на Южный полюс уже через пару дней, а не отравляла жизнь столько лет.

Хотя ее собственная мать, наша бабушка Рут Фермой, от неверности мужа претерпела немало. Бабушка была всегда уверена в правильности своих поступков и мысли не допускала о возможности ошибки. Мне бы ее уверенность! Брак бабушки

Принцесса Диана

по сути был кошмаром, но она женила на себе дедушку по расчету и жила, прекрасно зная о побочных связях и даже детях своего супруга.

Возможно, поэтому бабушка была крайне возмущена и маминим, и моим поведением. Подумаешь, муж неверен и имеет многолетнюю любовницу! Разве это причина, чтобы страдать булимией, ревновать и тем более разводиться?! В конце концов, можешь поплакать в подушку, но так, чтобы даже горничная не догадалась, а уж за пределами собственной спальни об этом вообще никто ничего не должен знать!

Я сделала все наоборот — вынесла свои страдания на суд обществу, рассказав о неверности царственного супруга, и этим совершенно испортила отношения с бабушкой. Ничего другого ожидать было нельзя, потому что задолго до этого она также вычеркнула из своей жизни мою маму, свою обожаемую дочь Фрэнсис, когда та посмела уйти от мужа к любимому человеку.

Я тоже осуждала маму, сейчас мы с ней в ссоре по другому поводу, но осуждала за то, что она бросила меня. Бабушка же выступила против собственной дочери даже в суде, когда определяли, кто должен опекать детей. При этом бабушку меньше всего волновали чувства детей, для нее было главным, что Фрэнсис, для которой она устроила столь блестящий брак, посмела его разорвать!

Бабушка действительно устроила сначала роман между моими родителями, а потом и их свадьбу. Ей было неважно, что маме всего пятнадцать, что она еще школьница, что у папы тогда была другая, почти невеста. Она решила заполучить для дочери самого завидного к тому времени жениха — Джона Спенсера, который должен со временем стать восьмым графом Спенсером, она его заполучила.

Папа был влюблен в маму по-настоящему, несмотря на ее молодость и разницу в их возрасте в двенадцать лет. Когда маме исполнилось семнадцать, они наконец смогли пожениться. О... это была поистине королевская свадьба, конечно, не такая, как у меня, но бабушка всегда умела блеснуть.

Я больше похожа на маму моего отца леди Синтию, и внешне, и во многом характером. Леди Синтия была удивительно доброй и обожала заботиться о других, ее часто видели в семьях Нортгемптоншира с помощью и утешениями. Но она и слова не могла сказать против бабушки — графа Спенсера. Дедушку Джека боялись мы все, и папа тоже. Мама не очень, но жить в его огромном Элторпе с его 120 комнатами и суровыми условиями без нормального отопления не хотела. Мама говорила, что чувствует себя там так, словно нечаянно осталась в музее, который закрыли на выходной. Именно поэтому мы переехали к бабушке Рут Фермой в Парк-Хаус в королевском поместье в Сандрингэме. А сама бабушка окончательно переехала в Кларенс-Хаус к своей подруге — королеве-матери Элизабет. Их многолетняя дружба казалась нерушимой. Она таковой и была.

Сначала родители были счастливы, как могут быть счастливы молодые люди, у которых есть любовь, семья, родилась первая дочь и имелись средства на пусть и не королевское, но вполне сносное существование.

Я иногда думала: неужели именно долгое отсутствие сына так испортило их отношения? Когда, будучи уже совсем взрослой, узнала, что отец заставлял маму пройти обследование, чтобы выяснить, может ли она вообще рожать сыновей, не сразу поверила. Но потом, когда мой Гарри родился совер-

Принцесса Диана

шенно рыжим (а он как две капли воды похож на мою сестру Сару) и Чарльз засомневался в своем отцовстве, я поверила, что такой поступок мужа возможен.

Мама родила Сару, нашу рыжую красавицу, крестной матерью которой стала сама королева-мать.

Потом родилась Джейн – умница и отличница, ее крестным отцом стал герцог Кентский.

Потом родился Джон, и это стало сначала радостью, но тут же горем. Джон умер почти сразу. Мама рассказывала, что была в ужасе, потому что ребенка унесли, а ее саму заперли и не выпускали, пока Джона не похоронили. Потом была неудачная беременность, а потом на свет появилась я.

Отец позже мог говорить все, что угодно, но в момент рождения я оказалась для него полнейшим разочарованием. Едва родившись, я была никому не нужна. Снова девчонка! 1 июля 1961 года в семье Спенсеров не стало праздником, они даже не могли целую неделю выбрать мне имя, и никаких звездных крестных у меня не было тоже.

Вот тогда папа и заставил маму пройти обследование.

Через три года родился наш братик Чарльз, его крестной была сама королева Елизавета II, но отношения родителей это уже не спасло. Мама, подарив роду наследника, видно, считала свою миссию выполненной, а себя свободной.

До развода родителей у нас было счастливое детство, огромный парк Сандрингэма, достаточно удобный Парк-Хаус, обожаемые родители, готовые делать для нас все, постоянные праздники... Даже няни были добрыми и веселыми, во всяком случае, мне так казалось. Я очень любила и маму, и папу. Разве можно было предположить, что они когда-то станут делить нас?!

Гром грянул среди ясного неба: мама влюбилась! У меня очень красивая мама, длинные ноги у меня от нее, только она рыжая, как Сара, и очень уверенная в себе. Сара в нее характером, но моя сестра тоже очень красивая.

Начались родительские скандалы. Папа при всех делал вид, что они хорошая семейная пара, а когда гостей не было, родители страшно кричали друг на друга, хлопали дверьми. Сара умней, она уходила в свою комнату и включала погромче музыку, а я, наоборот, подходила к самой двери их спальни и пыталась послушать, что же не так.

Почему они ссорятся, ведь за день не случилось ничего страшного? В пять лет я не понимала, в чем именно родители обвиняли друг дружку, но где-то в голове это засело. Позже Чарльз удивлялся тому, что я устраивала скандалы с криком и хлопанием дверьми. Для королевской семьи это было невысказано, там голоса не повышали, а я просто не представляла, что можно ссориться иначе!

Я страшно боялась, чтобы папа не ударил маму, потому, стоило им повыситься друг на друга голос, оказывалась тут как тут, но появляться на виду не решалась, просто стояла за дверью, постоянно ожидая чего-то страшного.

А потом они развелись совсем...

Мы виделись с мамой только по выходным, для этого нужно было проехать немалый путь с няней, потом видеть слезы мамы и слышать ее причитания, что завтра детей заберут обратно...

Эти воскресные встречи только озлобляли меня. Конечно, в свои шесть лет я ничего не понимала, кроме того, что мама нас бросила.

Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувст্বова-

Принцесса Диана

ли себя почти самостоятельными, залихватски рассказывали о выпивках и разных школьных проказах, вернее, рассказывала Сара, а Джейн только кивала. Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет.

Брат Чарльз был еще совсем мал, а я пыталась разобраться, но не понимала одного: как могла мама нас бросить?! Она уехала в Лондон, обещая вернуться, и не вернулась. Позже я узнала, что маму не пустили в дом, когда она приезжала нас проведать, но тогда это было настоящим горем — мама нас бросила!

Сара фыркала, что я дура, потому что развела слезы, мол, нужно не плакать, а сделать свой выбор. Но я не могла делать выбор между мамой и папой.

Ну почему нужно выбирать между мамой и папой?! Я не хотела выбирать, я любила обоих одинаково сильно и хотела жить с обоими!

Они сначала разводятся и делят нас, словно столовое серебро, а потом требуют, чтобы мы были счастливы. Я не могла быть счастлива. Однажды к празднику они прислали мне каждый по платью — белое и зеленое, и я вместо того, чтобы радоваться, рыдала и даже не хотела никуда идти, потому что оба наряда были красивыми и мне нравились, но выбрать один означало отвергнуть другой, а я не хотела никого отвергать!

Разве можно в таких условиях не вырасти строптивой? Знаю, у многих родители развелись, но не у всех так тяжело и позорно, к тому же не всех заставляли жестоко выбирать и не всем потом приводили в дом таких мачех, какой была Рейн.

Однажды я умудрилась отказаться от чаепития... с королевой! Отцу прислали приглашение на чай в королевскую рези-

денцию в Сандрингэм, причем именно со мной. Что заставило меня вдруг заявить, что не пойду, не знаю сама.

— Нет, у меня болит голова!

— Дач?! Тебя королева каждый вечер приглашает попить чайку? К Ее Величеству и с мигренью можно пойти.

— Не пойду!

Ни переубедить, ни заставить отцу не удалось, он был вынужден отправить Ее Величеству извинения, объясняя отказ моей болезнью.

Потом я пожалела, но тогда главным было настоять на своем.

Сара о выходке отозвалась коротко:

— Дач просто дура!

Бабушка не просто заняла сторону отца, но и выступила против собственной дочери, осудив маму публично. Так мы получили еще один урок: положение при королевском дворе важнее даже любви к собственной дочери, ведь бабушка поступила так, прежде всего чтобы сохранить дружбу королевы-матери.

Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника Питера Шенда Кида. Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты.

Мы остались с папой и хорошо видели, как он изменился. Особенно это чувствовала я. Сара и Джейн были уже достаточно взрослыми и учились далеко, а мы с Чарльзом пока оставались рядом с папой. Он стал нелюдимым, грустным, словно, уехав, мама забрала из него жизненные силы. Я не могла не пытаться утешить папу, мне так хотелось вернуться в те вре-

Принцесса Диана

мена, когда в Парк-Хаусе устраивали счастливые праздники в дни рождения! О, наши праздники помнили в графстве, весь парк Сандрингэма превращался в настоящий детский рай!

Но все это закончилось... Иногда я думала, что и детство закончилось тогда же.

Мама со своим Питером уехали на остров Сейл на западе Шотландии. Конечно, ни мы туда, ни мама оттуда ездить каждые выходные не могли.

Мне было восемь, когда мы остались только с отцом, няни не в счет, с ними я воевала так, словно это они виноваты в уходе мамы. Мы Спенсеры, но как же нам было одиноко! Конечно, папа отвозил нас с Чарльзом в школу и забирал обратно, он старался зайти в детскую, чтобы пожелать спокойной ночи, интересовался нашими делами, но папа — это не мама. Ели мы всегда только в детской с няней, беседы вели с ней или друг с другом... Чарльз, видно, чувствовал одиночество еще сильнее меня, а потому часто плакал и всегда жался ко мне, словно ища защиты. Я заботилась о нем как могла, ведь Чарльз не получил даже той любви мамы и папы, которая досталась нам, он был слишком мал, чтобы что-то понимать, когда они разводились.

Нянь я просто выживала. Все говорили, что я упрямая, строптивая, иногда просто невыносима. Они ничего не понимали! Чаще всего я упрямылась не из-за того, что была действительно упряма, а потому, что меня не замечали!

Да, да, и пусть говорят что угодно. Потом порасскажут, что это не так, что я была у отца любимица и он многое готов сделать для меня... Да, назло всем я сказала, что хочу на день рождения живого верблюда, и когда праздновали мой седьмой день рождения, отец раздобыл настоящего верблюда. Ох и

посмеялись мы тогда! Но все равно, верблюды — это признак родительской любви? Нет, я была им не нужна!

Лучше бы они сохранили семью, чем приводили верблюдов.

Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Обожаю Чайковского, особенно этот балет. Я даже выучила его переложение на клавиры и с удовольствием играла перед домашними.

Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая... Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность... Но этого не случилось, танцы танцами, а в балет не взяли совсем.

А еще я любила плавание и прыжки в воду. Вода — это чудесно, в воде я чувствовала себя уверенно, в плавание нужна сила и стремление вперед, чего у меня вполне хватало. В воде я ловкая, легкая, не то что на суше, где нужно следить за осанкой, за тем, чтобы не косолапить или не загребать ногами.

Постепенно я научилась быть красивой и на суше, но вот сутулость осталась. Нелегко не сутулиться, если все вокруг хоть немного, но ниже тебя, высокий рост хорош, когда ты среди высоких людей.

Куда хуже обстояли дела со всякой зубрежкой, а вернее, экзаменами. Я совершенно не понимала, зачем мне все это знать. А если мне неинтересно или я не понимаю, зачем это нужно, могу зубрить сколько угодно, никакого толка не будет, все равно к экзамену все вылетит из головы. Я не понимала и того, почему все переживают из-за несданного предмета. Не сдала? Ну и что, разве я от этого стала хуже или просто другой?

